

*Кену, который видел и любил
каждую версию меня*

ЧАСТЬ 1

МИССИС МИЛЛЕР

Глава 1

Этим утром синяя машина снова здесь. Она все время останавливается ниже по улице, в разных местах, но всегда в поле видимости Фиби. Старый «Форд Фокус» со ржавыми крыльями и треснутым лобовым стеклом, через которое практически невозможно рассмотреть водителя, даже с мощным биноклем, остался бы незамеченным в любом другом месте в Чикаго. Но на тихих улицах Лейк-Фореста, где даже трехлетний «Ленд Ровер» кажется древним, этот «Форд» выглядел гнилым резцом в ряду отбеленных зубов. Единственной подсказкой насчет личности водителя был магнит на передней пассажирской двери с надписью «Экзекьютив Курьер Сервисес», но Фиби ни разу не видела, чтобы к кому-то пришли с доставкой.

Фиби не была уверена, когда эта машина появилась впервые, но как только она заметила ее постоянное присутствие, она начала вести журнал, как назойливые полицейские, которые раздражали ее саму. В маленьком блокноте было три колонки: время приезда, место парковки, время отъезда. Сначала в появлениях машины не прослеживалось никакой системы — она приезжала, может, два-три раза в неделю, максимум на час. Но на прошлой неделе машина стояла здесь каждый день

по меньшей мере три часа, иногда пять, значительно дольше любого перерыва в рабочий день. Фиби не заметила, чтобы водитель выходил хотя бы размять ноги. Она подумывала спросить соседей, что они думают об этом вторжении, но за пять лет жизни в этом доме она так ни с кем и не подружилась.

Дело не в том, что она не любит людей. Она просто... ну, может, это не слишком далеко от истины. Люди — это назойливые твари, всегда готовые взвалить на тебя бремя своих ожиданий. Это особенно верно, когда твое имя придает тебе хоть какой-то статус, хотя сомнительно, чтобы от этого статуса сейчас что-то осталось.

Фиби пыталась высказать мужу свои опасения, но Уайатт посчитал, что у нее паранойя: и насчет машины, и насчет того, что о ней думают соседи. Он настаивал на том, что это просто стресс, что безумие в СМИ пройдет, когда кто-то или умрет, или скажет какую-то глупость — а это случится... примерно через три секунды. Поскольку Уайатт — психотерапевт, самодовольства в таких словах всегда достаточно, чтобы заткнуть ее. Между строк, конечно же, читалось, что она просто мается от безделья, раз ее занимают припаркованные автомобили и воображаемые сплетни. Может, он был прав, но все равно это заставляло ее стискивать зубы от гнева.

Некоторое время Фиби обдумывала вариант позвонить в полицию, но что она скажет им? Здесь не закрытая территория. Люди могут приезжать и уезжать, как им заблагорассудится. Давным-давно менее замкнутую Фиби не интересовали крепости с высокими стенами вроде некоторых домов поблизости или гнетущего поместья ее отца на берегу озера в Гленко. Ее подкупила относительная нормальность их нынешнего дома в

сравнительно сдержанном тюдоровском стиле, который стоял в конце тупика с буйной растительностью; его открытость миру и всего пара домов по соседству, расположенных близко, но не слишком. Из-за этой машины такая доступность теперь вышла ей боком, но все же ей не поступали никакие угрозы или подозрительные телефонные звонки. Все, что у нее есть — это домыслы, подпитываемые усталостью. У нее нет даже описания водителя, который, судя по миниатюрному силуэту, с вероятностью девяносто процентов либо женщина, либо очень худощавый мужчина. Единственная деталь, которую ей удалось рассмотреть достаточно четко, была голубая рубашка и кепка — по-видимому, униформа. *«Потому что, скорее всего, это чертов курьер»*, — проговаривала про себя Фиби холодным раздраженным голосом мужа. Так что нет, она не будет звонить копам. Пока не будет серьезного повода.

Конечно, Фиби могла прямо сейчас решить все вопросы. Просто выйти на улицу, подойти к машине, постучать в окно и дружелюбно спросить, в чем дело. Но с учетом всего происходящего она не могла вынести мысль даже о малейшем унижении. Что, если это правда всего лишь скромный курьер, которому нравится сидеть здесь на перерыве и заниматься бумажной работой? Или друг кого-то из соседей Фиби, которых она годами игнорировала? Она уже слышала их сплетни. А, *эта? Это Фиби Миллер. Не слышал про нее? Ты точно знаешь про ее отца...*

Есть и худший сценарий: этот курьер на самом деле может быть высматривающим ее журналистом, надеющимся сделать пару нелестных фото растрепанной наследницы на пике паранойи. В конце концов, публика жить не может без постоянной дозы злорадства.

Почему на этот раз она не может оказаться в центре внимания?

Но она стала задумываться и о более вероятной причине своего бездействия: наблюдение за машиной стало для нее игрой, ярким пятном среди довольно ровного течения жизни. Правда об этом человеке, вероятно, такая приземленная, что может только усугубить ее депрессию, так зачем выяснять ее? Нужно наслаждаться чем-то необычным. Это не будет длиться вечно. Как и все остальное.

Сделав заметку о сегодняшнем появлении, Фиби вернулась на кухню, чтобы подлить себе кофе и выяснить следующие вопросы: что Уайатт будет сегодня на ужин, посмотрит ли он с ней оставшиеся серии «Игры престолов» или ей продолжать самой? Ах, гламурная жизнь. В этот момент он выхлебывал остатки молока из своей миски с хлопьями, и этот звук немедленно привел ее в раздражение. Он всегда так делал или она заметила только сейчас, спустя десять лет?

В последнее время Фиби заметила еще несколько микропривычек Уайатта, за которые ей хотелось огреть его по голове чугунной сковородой, как делают жены в старых мультфильмах. К примеру, как он давит фальшивый смешок после своих пассивно-агрессивных замечаний, которые он в последнее время вставляет через фразу. Или как он каждый раз облизывает палец, переворачивая страницу в журнале; Фиби была уверена, что слышит звук соприкосновения языка и кончика пальца, и ей приходилось уходить из комнаты всякий раз, когда он доставал свой «Ньюсуик» или «Роллинг Стоун». По более распространенной мужской привычке, он начал еще и оставлять свои волосы в раковине после прочистки электробритвы. Но она была уверена, что из всех

способов взбесить ее, именно омерзительный звук его хлюпанья, хруста и чавканья за каждым приемом пищи доведут ее до предела. Недавно она прочитала об исследовании, связывающем чувствительность к звукам приема пищи и высоким IQ. Теперь Фиби была уверена, что ее примут в международный клуб интеллектуалов «Менса».

Она успокаивала себя простой мыслью. Всего через несколько минут он уедет на работу. Благодатная тишина скоро укутает ее, как пушистое одеяло, и в этот момент она запрет все двери, включит сигнализацию и уляжется в кровать, растянув руки и ноги в позе морской звезды. Где-то около полудня она встанет, наденет халат и принесет к бассейну книгу и бутылку вина. За два часа до прихода Уайатта она оденется и причешется, пытаясь не замечать отросшие корни и секущиеся кончики волос, появившиеся спустя месяцы после последнего посещения салона. Она нанесет легкий макияж, надеясь скрыть углубляющиеся морщины вокруг глаз и осветлить свой все более землистый цвет лица. Она наденет что-нибудь тянущееся, чтобы вместился ее постоянно толстеющий зад.

Фиби не могла понять, в какой момент она себя запустила. Похоже, что она постепенно сдавала позиции. Еще два года назад она, не раздумывая, проводила в салоне красоты многие часы, мазалась кучей дорогих сывороток и кремов, сделанных для того, чтобы женщины думали, будто могут повернуть время вспять. Она отчетливо помнила, как проводила два-три часа в день в тренажерном зале, садилась на любую причудливую диету, обещавшую разгладить жуткие жировые складки, только если отказаться от этого одного открытого учеными ингредиента. Эта нежная, как пирожное,

версия Фиби все еще не бросала провальные попытки забеременеть. А еще она пока не видела, как ее отец, которого она боялась и ненавидела большую часть жизни и столь же сильно и болезненно любила, скоропостижно умер от рака поджелудочной железы, так что у него даже не хватило времени попросить у нее прощения, хотя, конечно, он всю жизнь надеялся сделать это.

Теперь, после смерти Дэниэла, она *по-настоящему* напоминает пирожное: бледная, округлая, разве что далеко не такая сладкая. Прежде всего в этом были виноваты именно гормоны, которые она принимала, но ежедневные мороженое и алкоголь тоже не улучшали ситуацию. Но эти перемены принесли и что-то хорошее. Например, она снова открыла радость бездетности и безграничные возможности для того, чтобы читать у бассейна и выпивать днем. Еще она постигла нирвану, просто расхаживая в штанах для йоги по дому, а не делая позы, и умиротворение, забыв о списках продуктов, калориях и количестве макроэлементов. Ее любимый синоним для спокойствия был из французского: каберне-совиньон.

И она принимает спокойную простоту затворнического образа жизни, где все входящие звонки отправляются на свалку переполненной голосовой почты, где все преступления ее отца — это всего лишь заголовки, которые она пролистывает в поисках очередного глупого теста, обещающего сказать ей, какой она сорт сыра (гауда) или в какой стране ей следовало бы родиться (Швейцария — нейтрально). Дэниэл Нобл, может, и основатель трастового фонда, обеспечивающего ей такую жизнь, но она не несет ответственности за самого человека. Она считает семейное состояние честно полученной компенсацией за детство с ублюдкой.

Уайатт, кажется, не заметил этих постепенных изменений в своей жене или, если и заметил, предпочитал игнорировать их. Он знал, что она бросила попытки забеременеть, но все еще продолжал спрашивать перед сексом, была ли у нее овуляция — вопрос, который сразу отобьет желание у любого нормального человека.

После завтрака он прополоскал свою миску и поставил ее в посудомоечную машину. По крайней мере, у него есть несколько хороших привычек. Но он не взял свои ключи, а вернулся к столу.

— Мой первый пациент будет не раньше десяти. Не хочешь немного посидеть вместе?

Она засомневалась. Это необычно. Даже когда у него утром есть свободное время, он обычно проводит его в офисе за бумажной работой. Наверняка он хочет обсудить что-то, и это гарантированно закончится какой-то мелкой ссорой. Но чем быстрее они разберутся с тем, что его беспокоит, тем быстрее она обретет свое блаженное одиночество. Она кивнула, вышла за ним из дома и села на длинный диван.

На их крытой веранде мебель была лучше, чем у большинства людей дома, там была кухня, бар и встроенная стереосистема. Газовые обогреватели по периметру позволяли использовать это пространство до поздней осени, но обычно Фиби сворачивала все уже в октябре, как сейчас. Когда-то это печалило ее, но сейчас она ждет зимы, когда знаменитый чикагский мороз и снег позволят ей отгородиться от мира еще более естественным образом.

Уайатт носил с собой портфель, из-за которого он выглядел скорее как адвокат, чем как человек, который транслирует банальности и аффирмации разведенкам с менопаузой и загнавшимся банкирам, у которых боль-

ше не стойт. Приглядевшись, Фиби заметила, что его рубашка выглядит новой и выглаженной, а этот галстук она раньше не видела. Также она обратила внимание на его опрятные волосы, причесанные и аккуратно уложенные каким-то из тех средств, которые она покупала ему раньше и которые обычно оставались неиспользованными. Гладкое, как у младенца, лицо подсказывало, что он брился лезвием, а не электробритвой. По какой-то причине этим утром он хотел выглядеть хорошо, и Фиби это не нравилось.

Он красив в классическом смысле этого слова. Сильная челюсть, темные волосы, глаза с такими густыми ресницами, что кажется, будто он пользуется подводкой. Эти глаза привлекли ее с самого начала, когда они встретились пьяными взглядами на вечеринке, посвященной Суперкубку, у одного общего друга в пору учебы в Северо-западном университете. В те дни — почти пятнадцать лет назад, страшно представить — привлекательной внешности было достаточно, чтобы заставить ее сердце биться чаще в присутствии практически любого парня. Но именно сочетание мозга, чувства юмора и озорства, которое было у Уайатта, заставило ее прийти на второе свидание и потом еще на бесчисленное их количество. Теперь оно так далеко — это время быстрого секса в общественных местах, взрывных вечеринок, катания на его стареньком «Митсубиси Эклипс» вдоль Лоуэр Уэкер с косяком в зубах, — что иногда только его глаза напоминают ей, что это все тот же мужчина-бунт против требований Дэниэла Нобла к будущему зятю. Парень из среднего класса, у которого было достаточно ума и амбиций, чтобы поступить в престижный Северо-западный университет, но который так и не прошел весь путь до докторской степени.

— Думаю, настало время обдумать наши следующие шаги, — сказал он, сев напротив нее. Его интонацию было сложно считать, но в голосе слышалась тончайшая вибрация, говорящая, что он нервничает. Она тоже почувствовала ее глубоко внутри, но нужно было признать, что они сильно охладели друг к другу, и это началось задолго до смерти Дэниэла и трагедии, следовавшей за этим.

Фиби сразу подумала об их четырех провальных попытках ЭКО, но она знала, что корнями все уходит еще дальше, к основной причине их свадьбы: неожиданно положительному результату аптечного теста на беременность. Будучи под сильным влиянием романтики и выделяемых при беременности гормонов, она думала об аборте всего тридцать секунд до того момента, пока не бросила эту идею ради кое-чего более светлого: шанса на статус, приличествующий ее фамилии. Красивый муж, прекрасный дом в пригороде и новорожденный малыш, который свяжет это все вместе. Они согласились провести гражданскую церемонию без особой подготовки. Это привело бы в ужас мать Фиби, будь она жива, но Дэниэл, кажется, был рад избежать расходов, особенно учитывая его, мягко говоря, неоднозначное отношение к событию. Он почти не отреагировал на новости о ребенке, но немного смягчился, когда узнал, что это будет мальчик.

К сожалению, мечтам о домашнем блаженстве для дочери, которые питала мать Фиби, не суждено было сбыться. Их сын, Ксавьер Томас Миллер, родился мертвым на двадцать восьмой неделе. Он был похоронен в крошечной могилке, и она так и не собралась с духом сходить туда со дня короткой и тихой церемонии, на которой присутствовала только она и Уайатт.